

Цифровой вигилантизм: спектакль против реальности?*

Т. А. Кулакова, А. В. Волкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой вигилантизм: спектакль против реальности? // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 107–125. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.107>

Статья продолжает серию публикаций исследовательской группы, посвященных введению понятия «цифровой вигилантизм» в академический оборот в России. Авторы рассматривают вопросы о субъектах и акторах публичного управления в цифровом мире, суверенности вигилантского движения, организационных структурах групп, социальных практиках, ценностях, эстетике и стилистике акций, мифологии и дискурсе сетевых вигилантских сообществ. Междисциплинарность проведенного исследования выражается в обращении не только к вопросам публичной политики и социальной философии, но и к культурологии, этики, социолингвистике и эстетике. Природа цифрового российского вигилантизма как заметного феномена в гражданском обществе, как выявлено авторами исследования, носит амбивалентный характер, с одной стороны, являющийся реакцией на ограниченность способностей к управлению публичных институтов в условиях изменившейся коммуникативной среды, компенсируя их неумение работать с гражданским обществом, но с другой стороны, такие группы активистов могут и демонстрировать девиантное поведение в Сети и даже претендовать на осуществление насилия, оспаривая монополию государства. Цель исследования — выявление способности вигилантских групп формировать и артикулировать публичные ценности, публичные стратегии для защиты интересов гражданского общества, влиять на иные институты гражданского общества, навязывая им свою картину мира. Для этого был проведен анализ институционализированных вигилантских групп «СтопХам», «Лев против», «Хрюши против» и «АнтиДилер», «Трезвые дворы», «сорок Сороков». Авторы отмечают неполитический характер движений, деятельность которых направлена на социальные сферы, чувствительные для широкой общественности, но делают вывод о том, что формирование цифровой среды доверия и сотрудничества находится под угрозой агрессивных сетевых инициатив и негражданского характера цифровой активности.

Ключевые слова: цифровой вигилантизм, цифровая публичная политика, вовлечение в публичность, способности государства, гражданское участие, социальные сети, публичные ценности.

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ ЭИСИ 21-011-31445 «Цифровой вигилантизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?»

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Введение

Специализация философского знания, строго говоря, носит условный характер. Философия изначально заявила себя как универсальное знание. И то дисциплинарное самоопределение философии, которое мы наблюдаем, начиная с XVIII в., указывает скорее всего на возникновение нового типа учености, а именно науки, чем на структурную перестройку самой философии. И вполне очевидно, что любое из наиболее значимых философских течений XIX–XX веков стремилось к тому, чтобы раскрыть свое содержание во всех тематических горизонтах — от онтологии до эстетики. Роль истории философии в этом смысле имеет ключевое значение. С одной стороны, она воспроизводит «генеалогию» понятий, которыми оперирует философия, и удерживает тем самым хронологическую вертикаль цивилизационного самосознания. А с другой — раскрывая смысловую соотнесенность понятий, актуализирующих множество элементов нашего мира в различных его модальностях, именно историко-философские обобщения служат основой для концептуализации явлений, по-новому структурирующих нашу реальность. Любая идея, категория, понятие или концепт обретают академический статус при условии их соотнесенности с регулярным опытом переживания определенных состояний и теоретически подготовленным сознанием для их восприятия и осмысления. Открытие киберпространства и способы его освоения включают не только собственно технический аспект. Гораздо более значимой выступает аксиологическая проблематика, раскрывающая смысловую связь между историческим опытом прошлых поколений и современными практиками отношения к сущему.

Цифровая трансформация публичной сферы открыла возможности возникновения разнообразных форм участия граждан в публичной политике для защиты общественных интересов. Возникают субъекты и акторы, социальные практики и модели взаимодействий, способы влияния на властные структуры и общественность, формируется особый язык сообществ, подходы к оцениванию политики государства через призму защиты интересов граждан в ходе достижения заявляемых государством общественных целей. Вовлечение в публичность широкой публики как инновация государственного управления обнаружила не только позитивные аспекты применяемой управленческой технологии, но и риски при растущей социально-экономической дифференциации общества, культурных и образовательных разрывах состояния различных социальных групп, которые усилились на фоне опасной пандемии, активного внедрения цифровых инструментов управления.

«Новые краски в кризис добавили цифровые технологии, которые поставили под сомнение традиционные формы политики и публичного управления и обострили процесс политического познания» [1, с. 132]. Эти обстоятельства усиливают мотивы спорной политики, поскольку социальные сети существенно изменили саму архитектуру информационного сетевого пространства, сделав его горизонтальной; изменили характер распространения информации, обеспечив неограниченность доступа к ней; скрыв узлы производства информационных продуктов и обмена ими между ведущими игроками рынка. Рынок информационных продуктов цифрового поля подвержен изменениям только по «видению» владельцев и руководителей платформ, для которых экономические результаты деятельности оказываются более важными показателями, чем качество контента. Так, например, Яндекс-дзен отказывается от сотрудничества с крупнейшими информационными изданиями, отдавая предпочтение блогерам и визуальному оформлению сообщений. Новостная лента Яндекса насыщена смешением сообщений важного политического и бытового, криминального характера, что приводит к смещению акцентов в информационном поле. Искажения и фейковый характер вбросов, направленные на манипуляцию массовым сознанием, должны получить эмпирический и теоретический анализ механизмов, формирующих контент социальных сетей, из которых пользователи черпают информацию.

Методология

Границы частного и публичного в цифровую эпоху стираются за счет неограниченных возможностей фиксации и распространения информации о любых событиях, расширяя практики участия неограниченного количества людей как в акциях поддержки, так и в акциях протеста, моментально мобилизуя группы на реализацию акций, не всегда направленных на достижение публичных целей. Развитие цифровой сферы придало проблеме гражданской бдительности (*vigilantism*) в XXI в. исключительную актуальность и остроту, однако исследование этого социального феномена затрагивает более глубокие и фундаментальные вопросы морали, государственной управляемости и безопасности, а именно: трактовки «гражданского» и «антигражданского» в обществе, определение пределов гражданского контроля, механизмы и формы вовлечения в публичность и права на легитимное насилие [2–4].

В настоящее время в мировой политической науке нет общепринятого определения современного цифрового вигилантизма, но рабо-

ты ведутся активно, чему в немалой степени способствовали попытки групп граждан взять закон в свои руки, в том числе и функции обеспечения правопорядка [5]. В отечественной науке предпринималось несколько попыток исследования данного феномена, но очевидна необходимость разностороннего анализа и фундаментальных исследований темы, поскольку практики общинного самоуправления, колхозного и кооперативного движения, профсоюзов, офицерских и товарищеских судов, народных дружин, которые выполняли сходные регулятивные функции в советском обществе, актуализируются в условиях цифровых трансформаций и разрастания социальных сетей и цифровых медиа. Вигилантизм — проблема как современного западного общества, так и восточного [6–8]. Он разворачивается в социумах разной этнической и религиозной принадлежности, а цифровой вигилантизм как скоординированные действия бдительных граждан в интернет-пространстве претендует на трансграничный характер, но более характерен для технологически развитых регионов [9; 10].

Полемика современных зарубежных исследователей-обществоведов разворачивается вокруг базового понимания этих сообществ: констатация «антидемократической сущности» вигилантов или «плюралистический подход», ведь демократия означает сосуществование конфликтующих и конкурирующих сил (в данном случае — «гражданского» и «антигражданского» общества). Многие авторы сосредотачивают внимание именно на антидемократической повестке дня, формируемой вигилантами, и их агрессивных методах, и жестокости, возрождающих традиции Суда Линча [11; 12]. Рядом ученых актуализирован марксистский политико-экономический подход применительно к анализу вигилантских групп как институтов «антигражданского общества», позволяющий видеть в них структуры, защищающие политические и экономические интересы олигархических элит, выступающих в качестве проводников субподрядного насилия [13, р. 60]. Исследуя это неоднозначное явление, можно обнаружить и экономические, и политические выгоды, которые сосуществуют с идеологическими, конфессиональными или этнонационалистическими целями в рамках вигилантских организаций [14].

На материалах о деятельности вигилантов в Индонезии М.З. Айроби, не отрицая того факта, что такие группы на самом деле угрожают меньшинствам и, в некотором смысле, защищают интересы элиты, утверждает, что и «плюралистическая» и марксистская точки зрения кажутся неспособными понять, почему такие группы успешно получают поддержку на уровне местных сообществ, существуют и активно действуют как офлайн, так и онлайн, но главное — не дают возможности

описать сложные взаимодействия между государством и бдительными гражданскими активистами. Просто навешивая на них ярлык «защитников олигархии» или «антидемократические движения», мы упускаем возможность взглянуть на сложную динамику того, как такие группы действуют и ведут переговоры с государственными учреждениями, особенно на местном уровне «...акторы-вигиланты демонстрируют особую форму гражданства, которая объединяет принципы демократии и безопасности, и отстаивают интересы местных сообществ» [9, p.218].

В сетевом пространстве России уже более 10 лет существует значительное количество вигилантских групп, деятельность которых отстаивает разнообразные интересы и ценности, маркируемые как протестарные, выходящие за пределы некоторых определенных рамок. При помощи API (*Application Programming Interface*) “ВКонтакте” были собраны данные о подписчиках наиболее многочисленных и устойчивых вигилантских групп: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «АнтиДилер» (ID, указанные пользователем имя, пол, возраст, город), а также была проведена «выгрузка» постов и комментариев вигилантских сообществ за 2 года. Кроме того, были отобраны популярные видео, выложенные в тот же период в *YouTube* на каналах этих групп, отобраны их текстовые расшифровки и оставленные пользователями комментарии. Основным методом анализа массива выступило латентное размещение Дирихле (LDA, *Latent Dirichlet Allocation*), что позволило выявить вероятные темы корпуса, распределение слов в каждой теме и сочетания слов, встречающихся вместе в тексте документов.

Результаты исследования

Признанные вигилантские сообщества всероссийского масштаба («СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «АнтиДилер»), созданные после завершения активности молодежных движений «Наши» и «Молодая гвардия», некоторое время получали финансовую (грантовую) поддержку для привлечения внимания и вовлечения молодых людей в деятельность групп по резонансным темам (некачественные продукты питания и антисанитария в сетевых магазинах, нарушение правил дорожного движения и парковки, нарушение порядка в общественных местах, алкоголизм и наркомания и т. п.). Акции вигилантов в публичном пространстве расцениваются неоднозначно как экспертами, так и гражданами: натиск и агрессивность, иногда и насилие не могут привести к разрешению конкретных ситуаций, не говоря уже о выстраивании диалоговых взаимодействий по широкому фронту со-

циальных проблем [15]. Деструктивный характер деятельности вигилантских сообществ приводит к еще большему противостоянию групп граждан, хотя одни отстаивают публичные ценности, а другие — преследуют частные интересы под лозунгами публичных [16; 17].

Попытка исследования цифрового вигилантизма как сетевых структур гражданского общества, действующих в онлайн- и офлайн-средах, комплиментарных по отношению друг к другу, показывает, что акции в реальном мире являются якорными событиями, находящими зеркальное отражение в виртуальной среде для распространения информации о деятельности групп, возможного копирования и расширения опыта, привлечения внимания публики для получения поддержки.

Социальные сети всегда играли в истории человечества важную связующую роль социальных акторов и субъектов, но технологическая революция (цифровая трансформация), вступившая в свою решающую фазу, придает им роль источника динамики процесса социальных изменений, скрывая усиление иерархических отношений нового типа, усиливающую ситуацию неопределенности [18, с. 12]. Теория политических сетей предложила путь совершенствования (или «обращения»?) иерархического государства путем расширения форм социального взаимодействия и партнерства, которые бы замещали государство в публичном управлении [19]. Перераспределение властных полномочий должно было вывести государство из-под огня критики за неспособность справляться с усложнившимися социальными проблемами, но «ослабевшее», «растаивающее» государство получило новые проблемы именно из-за неспособности к наращиванию способностей к управлению в условиях цифровой реальности. Полагалось, что органы государственного управления, экономические структуры и институты гражданского общества, создавая сети сотрудничества, будут придерживаться принципов справедливости, честности, доверия, служения публичному благу. Преобразование иерархий государственного управления, неправительственных организаций и рыночных механизмов в экономике и проницаемость границ между ними дали неоднозначные результаты в странах, проводивших изменения на принципах *governance* [20, с. 17], но и показали необходимость углубления способностей государств (*state capacity*) к управлению в новых условиях. Бездействие органов власти, отсутствие институциональных рамок, правил и норм взаимодействия, восполняемые гражданскими группами, не имеющими легальных ресурсов для нормализации положения в той или иной сфере, использующими «игровые» способы давления и влияния, углубляют общественную деструкцию, поскольку нравственные нормы размыты, а закон не может «дотянуться» до всех конфликтных

ситуаций. Вместе с тем есть «серые» зоны, заходить в которые государственным органам не всегда резонно по причине нехватки ресурсов или институциональной необеспеченности деятельности [21; 22]. Например, «Хрюши против» борются с нечестными продавцами продуктов питания, выставляющими на прилавки магазинов просроченную продукцию, привлекают к этой проблеме внимание потребителей. Фиксация проверок и акций, размещение их на специальных ресурсах организации не устраняет проблему, но подталкивает граждан проявлять бдительность. Подталкивание граждан к осуществлению взаимного контроля по соблюдению масочного режима, дистанции и других мер безопасности во время пандемии Covid, хотя и приводило к определенной мобилизации, но и провоцировало насилие.

Эти примеры как нельзя лучше иллюстрируют неоднозначность функционирования сетей, их тяготение к преобразованию в иерархические структуры с собственными целями, далекими от публичного блага, и снижение регулирующей силы морали. Из дискурса цифровых сетей вытесняются ценности профессионализма, подлинного искусства, мораль и нравственность ради достижения публичной известности и социального капитала.

Ценности, всегда составлявшие стержень человека, не подвластные разрушительному времени, не просто украшающие жизнь, но и выстраивающие ее, подменяются в цифровых сетевых группах мнимостью влечений и сиюминутностью унифицированных потребностей собственного индивидуального существования. Индивидуальное самолюбование в цифровых сетях лидеров мнений, инфлюэнсеров, вызывает подражание участников групп, что сужает разнообразие картин мира, особость суждений и реакций. Технологичность сценариев публичных коммуникаций виgilантов в цифровых сетях убивает все богатство русского языка, который уже не знает таких ценностей, как справедливость, достоинство, честь, равный, совесть, душа, семья, патриотизм, родина, гордость, доверие, дружба — их практически нет в дискурсе.

Падение нравственности было причиной разрушения цивилизаций и государств, хаос и анархия обуздывались моралью чаще, чем насилием. Можно ли надеяться на то, что хаос вычленил позитивные публичные ценности, или вынужденная адаптация к новым правилам игры освободит человека от необходимости следования «старым» образцам?

По мнению Н. Фергюсона, «компьютерная революция превзошла грандиозностью изобретение колеса, ведь она куда сильнее изменила мировоззрение человека и человеческую цивилизацию» [18, с. 63].

Возможно, рекрутинг в виgilантские группы «Хрюши против», «СтопХам», «АнтиДилер» ведется в слоях населения, не обладающего

современными компетенциями, а потому имеющего ограниченный доступ к социальным лифтам, испытывая социальную незащищенность, неудовлетворенность и компенсируя ее участием в публичной деятельности по защите прав большинства. В «словаре» вигилантов выделяются понятия «человек», «право», «закон», «ребенок», поскольку их деятельность направлена на поддержание «порядка» в социальной сфере: розничной торговле, поведении водителей и пешеходов, соблюдении норм поведения в общественных местах, т. е. в тех сегментах, которые не полностью контролируются публичными институтами. Интересно, что «Хрюши», как и другие исследованные в рамках проекта вигилантские группы, дублируют или подменяют деятельность конкретных формальных структур, в частности Роспотребнадзора¹. Эти структуры имеют представительства в интернете, в соцсетях, однако их работа не вызывает интереса, если судить по посещаемости ресурсов государственных институтов управления, конкурентная борьба за общественную поддержку в настоящий момент ими проиграна.

Однако способности государства по регулированию этих сфер развиваются по мере обнаружения незакрытых зон деятельности органов государственной власти. Так, например, ГИБДД Москвы, подписавшись в соцсетях на блогеров, пропагандирующих опасное вождение, отслеживает нарушителей правил дорожного движения². Для борьбы с нарушителями внесены поправки в Уголовный кодекс³, президент России В. В. Путин в ноябре 2021 г. дал поручения по результатам проверки исполнения положений законодательства и решений президента, направленных на создание национальной системы управления качеством пищевой продукции⁴. Эти инициативы государства, сфокусированные на повышении государственной управляемости, могут ослабить позиции ряда вигилантских сообществ в публичном поле и потенциально сохранить их как вспомогательный и строго контролируемый инструмент дополнительного контроля, ведь эта специфическая форма гражданской активности исключительно жизнеспособна и может существовать при различных режимах.

¹ Официальная страница Роспотребнадзора «Вконтакте» <https://vk.com/rospotrebnadzor.official>

² ГИБДД Москвы отслеживает блогеров-нарушителей, подписавшись на них в сетях // Коммерсант. 18.12.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5139793>

³ «Единая Россия» внесла законопроект об уголовном наказании для «лихачей» на дорогах // Коммерсант. 17.12.2021.

⁴ Перечень поручений: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66994>

Дискуссия

Оптимизм исследователей публичной сферы, придерживавшихся неоинституциональной методологии и концепции «управления без правительства» (*governance*), на протяжении нескольких десятилетий базировался на представлении об интернете как о пространстве, которое будет способствовать демократическому обсуждению вопросов публичного управления, формированию публичных ценностей, вовлечению в публичность и обеспечению общественного консенсуса. Вовлечение и мобилизация гражданских сообществ в процессы выработки и реализации публичной политики в результате цифровой трансформации представлялись способами дополнительной легитимации политических систем национальных государств и достижения согласия в обществе, сводящими к минимуму элемент принуждения в политическом процессе и осуществление публичного управления множеством институтов.

Согласно М. Веберу, бюрократическая рационализация различных политико-правовых институтов — ключевая особенность формирования государства. Цифровая эпоха, провозгласившая сокращение количества формальных учреждений и вовлечение граждан в управленческие процессы, порождает, в частности, и соперничество между учреждениями, что должно повышать их эффективность.

«Мы должны быть готовы к тому, что ландшафт государственной власти простирается от упорядоченных конгруэнтных отношений до противоречивого соперничества между учреждениями публичной власти» [23, p. 699]. Институциональный плюрализм сам по себе не свидетельствует об институциональном несоответствии.

Но Х. Лунд указывает и на риски «манипулирования правилами» и «маневрирование» между ними, которые порождают непредсказуемость, непоследовательность, парадоксальность и двусмысленность и, в конечном итоге, институциональное несоответствие. «Соревнование» институтов часто разворачивается по мере того, как одни практики подрывают другие и предлагают способы для того, чтобы обойти и заменить правила, что усложняет реальность. Таким образом, «хотя формализация часто продвигается правительственными учреждениями и реформами, формальные правила и положения также согласовываются и отменяются коррупцией, политическими сетями и мощными альянсами с одними и теми же учреждениями или внутри них. Более того, процессы формализации не являются исключительной прерогативой государства; другие участники также работают в этом направлении» [23, p. 700].

Сети существуют за счет эмпатии к участникам, созвучия тем и дискурса, надежды на получение социального признания и известности. Мифологема о способности сетей заменить институты семьи и образования (якобы несущие закрепощение современному человеку), открывая возможность свободно выбрать свой путь и сформировать себя самого, скрывает расширившиеся возможности создания унифицированного человека, скроенного по определенным лекалам без участия собственного ума и сердца индивида, готового жить в рамках одобренных кем-то алгоритмов, дарующих вечное счастье. Формирование и воспроизводство смыслов и социальных значений мифов для понимания и разгадывания социальной реальности в целях адаптации к ней, наработка социального опыта представляются уже ненужными обременениями для индивида. Легкость бытия изменяет ценностную картину мира, в котором нет преодоления и созидания, творчества, мобилизации индивидуальных ресурсов и социальных связей, дисциплины для достижения долгосрочных целей и задач, что может показаться соблазнительной идеей, но окажется убийственной для человека, семьи, отношений дружбы и товарищества.

Для Ж. Бодрийера основной характеристикой анализа потребления была формула Маклюэна: «Медиум — это послание... которое представляет собой принудительную схему, связанную с самой технической сущностью этих средств информации, с дезартикуляцией реального в последовательные и эквивалентные знаки: это нормальный, запрограммированный, переход... на основе полного абстрагирования» [24, с. 159].

Вмешательство технологий гаджетов искажает непрерывно и бессознательно воспринимаемые модели отношений, которые индивид с трудом может отнести к себе, принимая модели отношений как игру. Игровая деятельность воспроизводится у вигилянских сообществ «Хрюши против», «СтопХам» и «Лев против» в достаточно жестких словах, однако сценариев (ритуалов) публичных актов не предусмотрено, что снимает личную ответственность за участие в самом акте, личную оценку события. «Спектакль» вигилянтов не является продуктом свободного творчества групп; группа может только варьировать выбор места и времени, комбинировать события. «Спектакль» вигилянтов имеет совершенно прагматичную цель и встроен в логику потребления (чужого внимания, признания, возможно социальных предпочтений и пр.) за счет проведения акций и производства информационного продукта. Движет, однако, участниками акций представление о позитивности общественного контроля и коллективной солидарности в целях поддержания социального порядка. Цифровое общество играет в непосред-

ственность, искренность, эмоциональность, само отличаясь предельной прагматичностью и утилитарностью. В игре, организованной агентами власти и исполняемой «простыми людьми», происходит паразитарное потребление первыми возможной социальной ориентированности вторых, искренности, желания принести пользу другим, угадывается и стремление перейти в другую социальную страту (как сделали лидеры «Наших» и «Молодой гвардии»), стать выше «прочих». Игры виgilантов представляют собой институциональный и индустриальный продукт, как франшизы современного телевидения. Чрезмерная банальность, оскудение восприятий и оценок, односторонняя коммуникация ведут к отрицанию и неприятию реальной сложной жизни. Чуждость этих продуктов, цель которых — потребление времени и внимания, навязывание чужих поведенческих практик, насильственное «исправление» человека, оказывает поверхностное влияние в первую очередь на молодое поколение. Эта трансплантированная социальность вытесняется самой жизненной тканью в процессе динамических взаимоотношений. Здоровое начало народного чутья различает эти игры до осмысливания и размышления, но «развлечения» подрывают у многих возможность самостоятельности и доверия к собственному разумению, порождают чувство ущемленности, неуверенности и незащищенности. Стандартизированное поведение под влиянием искусственных образов, моды, «дутых» лидеров мнений, формируемое цифровыми сетевыми структурами, СМИ, крадет самость каждого человека, а показное потребление, «роскошь... коррумпирует здоровую бесхитрость, способствует тому, что одна группа закабаляет другую, а прежде всего — публичное мнение» [25, с. 159].

Частные интересы многих отдельных лиц подаются как публичный интерес, для демонстрации и утверждения которого и производятся фиксации различных акций виgilантами и выкладка их на различных интернет-ресурсах не только для привлечения внимания публики и репрезентации своих лидеров и членов в публичной сфере, но и для мобилизации сторонников вокруг определенной социальной идеи, которая в дальнейшем может восприниматься как политическая. Ю. Хабермас полагает, что такие группы способны не только манипулировать «публичным мнением», но и уходить «из-под его контроля», с одной стороны, призывая к социальному насилию, а с другой — «к оправданию своих действий по традиционным критериям публичности» [25, с. 275]. Без демонстрации действенности собственных акций (зачастую устрашающих) по защите публичных ценностей деятельность виgilантских групп выполняет и функцию критики государственной состоятельности по защите публичных ценностей и интересов.

Следует признать, что, «как показывают оценки поздней современности, либеральные и неолиберальные политики произвели подмену, возложив на граждан ответственность за их собственную безопасность и судьбы, а также за социальный порядок в целом, что ведет к многостороннему регулированию сети, а не строго вертикальному управлению обществом... Согласно Дж. Уолшу, такое преобразование в части общества привело к переходу от идеи делегирования к парадигме автономизации... когда группы граждан спонтанно присоединяются к выполнению целей и задач органов власти» [26, p. 189].

В контексте связи с проблемой управляемости государства в условиях интенсивных цифровых трансформаций необходимо уточнить понятие «состоятельность граждан», поскольку Й. Иензее утверждал, что в правовом государстве «создание общественного блага на основании зафиксированных в законе прав передается компетенции граждан... Не права и свободы обеспечивают общественное благо, а граждане, которые эти права разумно реализуют», поскольку «в рамках предоставленных законом прав общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжению государства, а по собственной инициативе, по собственному плану» [27, с. 43].

Режим общения, характерный для онлайн-коммуникации, «способствует появлению изолированных индивидуумов и формированию внутренне однородных, но непохожих друг на друга несогласованных подгрупп» [28, p. 1–2], чьи представления об «общем благе» весьма противоречивы. Процесс переноса власти от государства группам избранной крикливой общественности, отсутствие нравственных и ценностных рамок функционирования публичных институтов провоцируют шаткий баланс под благовидными, но лукавыми аргументами. На наш взгляд, сами выразители публичных интересов и ценностей также нуждаются в контроле финансовых и хозяйственных связей и зависимостей.

На современном этапе развития «построение нового идеала цивилизационного развития закрепляется через раскрытие сложной развивающейся этической системы, где неизбежной составляющей является ценностный конфликт» [29, с. 105]. В цифровом медиaprостранстве распространяются и усиливаются «дискурсивные практики враждебности», которые по своим результатам всегда соотносятся с текущим, актуальным политическим и социальным контекстом [30, с. 43]. В этом аспекте особое значение имеет феномен цифрового самосуда, когда группа граждан инициативно берет на себя функцию «надзирателя» за соблюдением определенных норм, используя все современные возможности цифровой коммуникации [31; 32].

Выводы

Сложность вигилантизма как социального явления цифрового общества нуждается в междисциплинарном анализе. Не решая социальных проблем, вигилантизм может выполнять рекреативную функцию для незащищенных слоев населения, не получающих социального признания. Не решить социальную проблему (которая может превратиться в политическую), но создать информационный шум вокруг нее, изменить восприятие проблемы с серьезного на курьезное, воспроизвести патерналистское «мы заботимся о вас» — это новые формы воздействия управляющей структуры на реальность с использованием информационного спектакля (шутовства) и при полном растворении подлинной реальности в нем.

Социальный цифровой активизм открывает возможности формирования новых форм взаимодействий граждан и новых субкультур с собственными картинками мира и социальными практиками. Однако группы, включенные в исследование, не показали способности к углублению понимания социальных процессов, готовности к креативному прочтению (разгадыванию, пониманию, знанию) сложных социальных явлений и расширению спектра возможностей внешнего воздействия на изменение характера процесса, его элементов, его акторов и процедур. Сосредоточие активности в виртуальном мире как способ отвлечения внимания от трансформационных процессов реального мира — и есть результат управляющего воздействия. Проблематизация реальности, имитация развития, выщучивание смыслов, осмеяние планов, отбрасывание за ненадобностью нравственных ценностей неизбежно сменяется отказом от виртуальных излишеств и украшательств, мобилизацией в том или ином виде и самой примитивной прагматикой для оздоровления общества: сколько людей, сколько детей, сколько еды, сколько мощности и машин, сколько идей и сколько планов по их реализации нужно для развития страны.

Динамизм вигилантских групп содержится в рекрутинге новых членов в командные действия по четко разработанным сценариям («смотри, распространяй, поддерживай»); руководители групп контролируют состояние сети, ее эмоциональный настрой и устойчивость.

Капитал крупных владельцев цифровых сетей и стоящих за ними инвестиционных фондов ведет соперничество с национальными государствами за влияние на миллиарды людей. Мощный натиск цифрового контента сетевых платформ становится инструментом манипулирования сознанием и поведением населения, чем крайне обеспокоены

европейские эксперты⁵. Влияние сети настолько велико, что отдельные группы гражданских активистов отказываются признавать те институты, нормы и ценности национального государства, которые не корреспондируются с привнесенными ценностями и правилами. За счет новизны и радикальности деклараций и планов эти группы в социальных сетях могут привлекать существенные силы и бороться за доступ к политическому влиянию, включая и политическое насилие, как мы видели на примере последних выборов в Америке, латиноамериканских и африканских государствах. Защита традиционных нравственных ценностей и поддержание социального мира представляются важнейшей «способностью» государства в настоящих условиях. Основное население России придерживается традиционного культурного кода, который находится в постоянном становлении и развитии под влиянием различных переменных, оставаясь неизменным в своем ядре. Отдельный человек под влиянием цифровых сетей перестает чувствовать свою связь с семьей, с группой, с человечеством, тем самым теряя ориентацию в социальном, физическом и духовном пространствах, утрачивая стремление и способность к целеполаганию, волю к достижению цели ради преобразования реального мира.

Элита, оказывающая доминирующее влияние на формирование мифологии и ценностного ряда нации, в основном ориентирована на западные ценности и западный образ жизни, демонстрирует вызывающее потребление в стране, где значительная часть населения озабочена выживанием. Это самый большой фактор разлома в социальной ткани страны, который сметает консервативные и традиционные ценности и их регулирующее воздействие.

Внедрение цифровых технологий способствует разнообразию коммуникаций и преодолению множества препятствий, развитию международного партнерства, онлайн-образования и даже виртуального туризма, но, с другой стороны, оно сопровождается как нарастанием в массах популярности идеологии электронной вседозволенности, так и усилением электронного контроля со стороны крупных игроков; и не случайно современные исследователи указывают на угрозы демократическим ценностям и предупреждают о глобальном кризисе демократического развития.

⁵ Аналитический доклад “Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society — Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe’s digital future”. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research> (дата обращения: 09.11.2021).

Литература

1. Сморгунов, Л. В. (2020), Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике, *Социальные и гуманитарные знания*, т. 6, № 2, с. 122–133.
2. Abrahams, R. (2003), What's in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice, in: Feenan, D. (ed.), *Informal Criminal Justice*, London: Ashgate, pp. 25–40.
3. Brighenti, A. (2007), Visibility: A Category for the Social Sciences, *Current Sociology*, vol. 55, no. 3, pp. 323–342.
4. Caparini, M., Gogolewska, A. (2021), Governance challenges of transformative technologies, *Connections*, vol. 20, no. 1, pp. 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
5. Burrows, W. (1976), *Vigilante*, New York: Harcourt Brace Jovanovich.
6. Obert, J., Mattiacci, E. (2018), Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America, *Perspectives on Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 600–616.
7. Schuberth, M. (2013), Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil, *Journal of Peace, Conflict and Development*, no. 20, pp. 38–51.
8. Skoric, M. M., Wong, K. H., Chua, J. P. E., Yeo, P. J., Liew, M. A. (2010), Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism?, *Surveillance and Society*, vol. 8, no. 2, pp. 181–199.
9. Arrobi, M. Z. (2018), Vigilantism as ‘Twilight Institution’: Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta. *PCD Journal*, vol. 6, no. 2, pp. 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
10. Chang, L. Y. C., Poon, R. (2017), Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 61, no. 16, pp. 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
11. Bateson, R. (2021), The Politics of Vigilantism, *Comparative Political Studies*, vol. 54, no. 6, pp. 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692:923>
12. Shukan, I. (2019), Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbass: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018), *Laboratorium: Russian Review of Social research*, no. 3, pp. 71–104.
13. Hadiz, V. R. (2010), *Localising power in post-authoritarian Indonesia: A Southeast Asian perspective*, California: Stanford University Press.
14. Asif, M., Weenink, D. (2019), Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence, *European Journal of Criminology*, November, pp. 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>
15. Волкова, А. В., Лукьянова, Г. В., Мартынов, Д. С. (2021), Цифровой vigilantизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации, *Южно-российский журнал социальных наук*, т. 22, № 2, с. 37–52.
16. Кулакова, Т. А., Волкова, А. В., Будко, Д. А. (2021), Конфликты «эпохи цифрового vigilantизма», *Конфликтология*, т. 16, № 2, 4, с. 9–27.
17. Gabdulhakov, R. (2021), Media Control and Citizen-Critical Publics in Russia: Are Some “Pigs” More Equal Than Others?, *Media and Communication*, vol. 9, iss. 4, pp. 62–72. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4233>
18. Фергюсон, Н. (2020), *Площадь и башня. Сети и власть — от масонов до Facebook*, М.: АСТ.
19. Kooiman, J. (1993), *Socio-political Governance, Modern Governance, New government — Society Interactions*, ed. by Kooiman, J., London.
20. Кулакова, Т. А. (2011), *Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества*, СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

21. Walsh, J. (2014), *Watchful Citizens: Immigration Control, Surveillance and Societal Participation*, *Social & Legal Studies*, vol.23, no.2, pp.237–259. <https://doi.org/10.1177/0964663913519286>
22. Smith, N.R. (2019), *Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa*, Oxford University Press.
23. Lund, C. (2006), *Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa*, *Development and Change*, vol. 37, no. 4, pp.685–705.
24. Бодрийяр, Ж. (2006), *Общество потребления. Его мифы и структуры*, пер. с фр. Самарской, Е. А., М.: Республика; Культурная революция.
25. Хабермас, Ю. (2016), *Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества*, М.: Весь мир.
26. Favarel-Garrigues, G., Tanner, S., Trottier, D. (2020), *Introducing digital vigilantism*, *Global Crime*, no.21, pp.3–4, 189–195. <https://doi.org/10.1080/17440572.2020.1750789>
27. *Политическая философия в Германии: сб. ст.* (2005), под ред. Изензее, Й., М.: Современные тетради, с. 43–52.
28. Keijzer, M. A., Mäs, M., Flache, A. (2018), *Communication in Online Social Networks Fosters Cultural Isolation*, *Complexity*, November, pp.1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
29. Данилов, А.Н. (2020), *Возвращение диктатуры: новое прочтение современности*, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, № 36 (1), с. 105–115. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.109>
30. Сунами, А.Н., Труфанов, Г.А. (2021), *Выражение риск-рефлексий через формирование дискурса вражды в медиасфере*, *Конфликтология*, № 4, с. 43–57.
31. Zizumbo-Colunga, D. (2017), *Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence*, *Political Behavior*, vol. 39, no. 4, pp.989–1015.
32. Tanner, S., Campana, A. (2019), *“Watchful citizens” and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec*, *Global Crime*, vol.21, no.3–4, pp. 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.;
рекомендована к печати 23 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Кулакова Татьяна Александровна — д-р полит. наук, проф.; t.kulakova@spbu.ru
Волкова Анна Владимировна — д-р полит. наук, проф.; AV.Volkova@rambler.ru

Digital vigilantism: Performance versus reality?*

T. A. Kulakova, A. V. Volkova

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kulakova T. A., Volkova A. V. *Digital vigilantism: Performance versus reality?* *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 107–125. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.107> (In Russian)

* The article was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research EISI grant 21-011-31445 “Digital vigilantism and the practice of forming public values: the capture of a networked civil society?”

The article continues the series of publications by the research team devoted to the introduction of the “digital vigilantism” concept into Russian academic discourse. The authors examine the subjects and actors of public governance in the digital world, sovereignty of the vigilante movement, organizational structures of groups, social practices, values, aesthetics and stylistics of actions, mythology and discourse of online vigilante communities. The interdisciplinary character of this research is manifested in the fact that not only issues of public politics and social philosophy, but also culture studies, ethics, sociolinguistics and aesthetics are taken into consideration. As revealed by the authors of the study, the nature of digital Russian vigilantism as a notable civil society phenomenon is ambivalent. On the one hand, it can be viewed as a response to the limited management abilities of public institutions in a changed communication environment, compensating their inability to work with civil society, yet on the other hand, such activist groups can also demonstrate deviant behavior online and even claim to exercise violence, challenging the state monopoly. The purpose of the research team was identifying the ability of vigilante groups to shape and articulate public values, form public strategies to defend the interests of civil society, and influence other civil society institutions by imposing their worldview on them. An analysis of the institutionalized vigilante groups “StopHam”, “Lev Protiv”, “Hrjuschi Protiv” and “AntiDealer”, “Sober Yards” and “Sorok sorokov” was carried out for this purpose. The authors point out the non-political nature of the movements, whose activities focus on social spheres of high importance to the general public, but conclude that the formation of a digital environment of trust and cooperation is threatened by aggressive online initiatives and the non-civic nature of digital activism.

Keywords: digital vigilantism, digital public policy, involvement in publicity, state capabilities, civic participation, social networks, public values.

References

1. Smorgunov, L. V. (2020), Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics, *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia*, vol. 6, no. 2, pp. 122–133. (In Russian)
2. Abrahams, R. (2003), What's in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice, in: Feenan, D (ed.), *Informal Criminal Justice*, London: Ashgate, pp. 25–40.
3. Brighenti, A. (2007), Visibility: A Category for the Social Sciences, *Current Sociology*, vol. 55, no. 3, pp. 323–342.
4. Caparini, M., Gogolewska, A. (2021), Governance challenges of transformative technologies, *Connections*, vol. 20, no. 1, pp. 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
5. Burrows, W. (1976), *Vigilante*, New York: Harcourt Brace Jovanovic.
6. Obert, J., Mattiacci, E. (2018), Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America, *Perspectives on Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 600–616.
7. Schubert, M. (2013), Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil, *Journal of Peace, Conflict and Development*, no. 20, pp. 38–51.
8. Skoric, M. M., Wong, K. H., Chua, J. P. E., Yeo, P. J., Liew, M. A. (2010), Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism?, *Surveillance and Society*, vol. 8, no. 2, pp. 181–199.
9. Arrobi, M. Z. (2018), Vigilantism as ‘Twilight Institution’: Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta, *PCD Journal*, vol. 6, no. 2, pp. 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>

10. Chang, L. Y. C., Poon, R. (2017), Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 61, no. 16, pp. 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
11. Bateson, R. (2021), The Politics of Vigilantism, *Comparative Political Studies*, vol. 54, no. 6, pp. 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692:923>
12. Shukan, I. (2019), Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018), *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 3, pp. 71–104.
13. Hadiz, V. R. (2010), *Localising power in post-authoritarian Indonesia: A Southeast Asian perspective*, California: Stanford University Press.
14. Asif, M., Weenink, D. (2019), Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence, *European Journal of Criminology*, November, pp. 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>
15. Volkova, A. V., Lukyanova, G. V., Martyanov, D. S. (2021), Digital vigilantism: behavioral patterns and value orientations, *South Russian Journal of Social Sciences*, vol. 22, no. 2, pp. 37–52. (In Russian)
16. Kulakova, T. A., Volkova, A. V., Budko, D. A. (2021), Conflicts of the “era of digital vigilantism”, *Conflictology*, vol. 16, no. 4, pp. 9–27. (In Russian)
17. Gabdulhakov, R. (2021), Media Control and Citizen-Critical Publics in Russia: Are Some «Pigs» More Equal Than Others? *Media and Communication*, vol. 9, iss. 4, pp. 62–72. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4233>
18. Ferguson, N. (2020), *Square and Tower. Networks and Power from Freemasons to Facebook*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
19. Kooiman, J. (1993), Socio-political Governance, *Modern Governance. New government — Society Interactions*, ed. by Kooiman, J., London.
20. Kulakova, T. A. (2011), *The policy of changes: administrative reforms and interaction between the state and society*, St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
21. Walsh, J. (2014), Watchful Citizens: Immigration Control, Surveillance and Societal Participation, *Social and Legal Studies*, vol. 23, no. 2, pp. 237–259. <https://doi.org/10.1177/0964663913519286>
22. Smith, N. R. (2019), *Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa*, Oxford University Press.
23. Lund, C. (2006), Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa, *Development and Change*, vol. 37, no. 4, pp. 685–705.
24. Baudrillard, J. (2006), *Consumer Society. Its myths and structures*, Moscow: Respublika Publ., Kul'turnaia Revoliutsiia Publ.
25. Habermas, Y. (2016), *Structural change in the public sphere: Research on the category of bourgeois society*, Moscow: Ves' mir Publ.
26. Favarel-Garrigues, G., Tanner, S., Trottier, D. (2020), Introducing digital vigilantism, *Global Crime*, no. 21, pp. 3–4, 189–195. <https://doi.org/10.1080/17440572.2020.1750789>
27. *Political philosophy in Germany: collection of articles* (2005), ed. by Isensee, J., Moscow: Sovremennyye tetradi Publ., pp. 43–52. (In Russian)
28. Keijzer, M. A., Mäs, M., Flache, A. (2018), Communication in Online Social Networks Fosters Cultural Isolation, *Complexity*, November, pp. 1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
29. Danilov, A. N. (2020), Return of the dictatorship: a new reading of modernity, *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser.: Philosophy and Conflict Studies*, vol. 36, no. 1, pp. 105–115. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.109> (In Russian)

30. Sunami, A. N., Trufanov, G. A. (2021), Hostility discourse on account in media-sphere and risk reflection frame, *Konfliktologiya*, no. 4, pp. 43–57. (In Russian)
31. Zizumbo-Colunga, D. (2017), Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence, *Political Behavior*, vol. 39, no. 4, pp. 989–1015.
32. Tanner, S., Campana, A. (2019), «Watchful citizens» and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec, *Global Crime*, vol. 21. no. 3–4, pp. 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>

Received: November 8, 2021

Accepted: November 23, 2021

Authors' information:

Tatyana A. Kulakova — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; t.kulakova@spbu.ru

Anna V. Volkova — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; AV.Volkova@rambler.ru